

которые по вашему запросу найдут информацию и новости. Набрала силу огромная машина коммуникации и информационных технологий.

— **Понятно, когда говорим о специальной или технической литературе, знаниях по химии, физике или экономике. А когда дело доходит до вещей, касающихся духа человека, вот тут насчет навигаторов очень сложно. У одного отца — свое представление о 50 книгах, которые должен прочитать его ребенок, у другого — иное. Как взять на себя эту ношу — быть навигатором в литературе Шекспира, Толстого, Джойса, Пруста, Набокова, Булгакова?**

— Здесь тоже предстоит выбор. Я — страстный поклонник кино и считаю, что вместе с книгой это такое средоточие жизни. Пренебрегать — значит пропустить часть возможностей. И я просто собираю. Если вы посмотрите мою книжную полку, у меня есть с десяток книг, которые называются «Кино, которое нельзя пропустить». Конечно, я собираю рекомендации крупнейших режиссеров. Когда я эти списки сравниваю, интересно посмотреть, все ли я учел. Моя природная любознательность не завершается выбором одного гуру. И опять выбор, выбор в выборе — еще больше фокусирования.

— **Не в обиду будет сказано, но у вас всего 4-5 тыс. просмотров. Когда я вижу в сети, например, девочку с внешне пластмассовым лицом, рассказывающую о туалетной бумаге, которой она пользуется, и у нее 10 млн. просмотров, то мне становится страшно. Почему, когда человек несет откровенную пошлость, у него столько-то просмотров, а когда несет знания, которые, кстати, пригодятся в жизни, внимания к нему во много раз меньше?**

— Меня это тоже занимает и вызывает неотвеченные вопросы. Но мне понятен этот поиск. Если вы проанализируете миллионы, то увидите в основном молодежь. Видимо, особенность социальной генетики такова, что они проверяют на прочность культурные основания, которые им предстоит наследовать. И они ищут идентичности в своей референтной группе.

Есть две парадоксальные вещи. С одной стороны, они не хотят отличаться. Как общественные животные мы стараемся быть похожими, потому что чужой — наказание, которое трудно перенести, и надо быть своим. И вот эта зараза множественных лайков, подобно критической массе, начинает притягивать. Я сам подвержен этому. Если какой-то новый клип Шнура появляется, я обязательно туда загляну. Но другую сторону тоже надо учитывать: как не быть похожим на других, как найти собственную идентичность и не пострадать при этом от стадного чувства? Здесь-то, что, как я думаю, составит проект будущих исследований.

— **Во многих людях заметно состояние, которое можно назвать снобизмом невежества. Когда-то человек этого стеснялся, теперь говорит: «Я не знаю и знать не хочу». И в ответ он получает даже овации. Это что такое?**

— Я бы хотел найти исторический момент, когда лучший ученик и охотник за знаниями впервые получил прозвище «ботан». Он оказался маргинальным в среде невежд, троечников, гордящихся форматом признания среди тусовки. Кстати, это ведь не во всех странах так. Где-то ценятся эрудиты и люди интеллектуальные, и они тоже создают свои сообщества. Видимо, мы упустили очень важную ценность.

— **Вы упомянули о представлении будущего, о его образе. Тема крайне интересная, поскольку будущее, как известно, рождается в прошлом, а понятия «сегодня» вообще не существует. Все настолько стремительно меняется, что порой становится непонятно и страшновато. Что лично для вас значит «образ будущего»?**

— Я из поколения, умеющего отличать. Поэтому для меня это большой сплав разума, логики, образного мышления. Конечно, моё представление сложилось, но я сейчас очень интересуюсь тем, чтобы понять молодежь, родившуюся в нулевых, тех, у кого так называемое клиповое мышление — возможность воспринимать только в образах, мелькающих в лентах всевозможных социальных сетей. Они складывают свой образ будущего в неведомой нам мозаике. Мне очень

интересно, как они умеют из этого складывать внятную картину. При этом, я хочу сначала понять это сам, а потом уже попытаться быть понятым. Сейчас сталкиваюсь с феноменом, который мне не до конца ясен. Для меня половина разговоров — это какой-то жаргон. Эта субкультура уже требует нового словаря, нового поля смыслов.

— **Похоже, у нас есть два пути: сохраняя свой язык, стараться показать его прелести детям, внукам и их друзьям, либо пытаться понять новый язык, переработать и усвоить.**

— Это встречный процесс. Мой девиз — понять, чтобы быть понятым. Поэтому у меня нет снобистской позиции и какого-то назидательного желания сходу транслировать свой собственный опыт. Он ценен для меня и, может быть, в чем-то полезен.

Мы вынуждены принять наступающее будущее как вариант изменения собственного поведения. Если мы найдем контакт между разными возрастами, это будет принятый общественный договор, мощный сплав, который и составит гражданское общество. Они — будущее, а мы с ними рядом. И я бы хотел, чтобы мои дети и внуки не пренебрегали моим опытом, а уважали его. Но они требуют такого же уважения к тому новому, что они привносят. И вот этот диалог важен, но можем ли мы его организовать?

— **Во многих семьях многозначительно поднимают палец: дети должны уважать родителей. Но мы должны также уважать мир ребенка или молодого человека, стараться понять его.**

— Тут мне возразить нечего. Приведу пример общения с сыном, когда мне хочется выкрикнуть, успеть, пока я жив, сообщить ему, что «ружья кирпичом не чистят». Стоит мне открыть рот, как он тоже начинает говорить. И мы придумали простую вещь — песочные часы. Кончилось мое время — говори, кончилось твое — слушай. Не удалось. Он все равно говорит, не считаясь с песком и временем. Ему тоже очень хочется выкрикнуть мне то, что важно. Пока диалог у нас складывается сложно. Я сам вырос в патриархальной семье. Чтобы я возразил отцу? Да у меня такого и в мыслях быть не могло! Я слушал и, кстати, благодарен.

3 000

КНИГ

примерно столько человек физически может прочитать за жизнь.